

18+

Сергей Николаевич
Полторак

**Игра
в Крокодильчика.
Часть 3
(Ангел бабла)**

Сергей Полторак

**Игра в Крокодильчика.
Часть 3 (Ангел бабла)**

«Издательские решения»

Полторак С. Н.

Игра в Крокодильчика. Часть 3 (Ангел бабла) / С. Н. Полторак —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-641052-7

Эта приключенческая трилогия — история дружбы четырех отставных офицеров мастеров спорта, учившихся в юности в одной спортроте военного училища. Очень разные по характерам и судьбам люди (ученый-бизнесмен, сотрудник ГРУ, ставший киллером, а также капитан ГИБДД и православный батюшка) имеют одно общее: они всегда готовы прийти друг другу на помощь.

ISBN 978-5-00-641052-7

© Полторак С. Н.
© Издательские решения

Содержание

Игра в крокодила	6
Содержание	7
Ангел бабла	8
Глава 1. Понятных снов тебе, сестричка	9
Глава 2. Гагарин, я вас любила!	13
Глава 3. Следи за ее левой рукой	19
Глава 4. Медленные лица надевают глаза	22
Глава 5. Созрело сердце в огороде	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Игра в Крокодила. Часть 3 (Ангел бабла)

Сергей Николаевич Полторак

© Сергей Николаевич Полторак, 2024

ISBN 978-5-0064-1052-7 (т. 3)

ISBN 978-5-0064-1051-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Сергей Полторак

Игра в крокодила

Эта приключенческая трилогия – история дружбы четырех отставных офицеров мастеров спорта, учившихся в юности в одной спортроде военного училища. Очень разные по характерам и судьбам люди (ученый-бизнесмен, сотрудник ГРУ, ставший киллером, а также капитан ГИБДД и православный батюшка) имеют одно общее: они всегда готовы прийти друг другу на помощь.

**Санкт-Петербург
2023**

Содержание

Как правильно таранить «Бентли» (повесть)

За грибами в Андорру (повесть)

Ангел бабла (повесть)

Ангел бабла

*Моей внучке Настеньке
и любимой нами группе «Ундервуд»
посвящается*

Глава 1. Понятных снов тебе, сестричка

До тех пор, пока Светка Николаева не получила дверь по своей интеллектуальной собственности, то есть по башке, она была обычным человеком. Почти обычным. Маленькая Светкина необычность была в том, что она все время думала. Согласитесь, для двадцатитрехлетней девушки – не совсем обычное занятие. Думала она на самые разные темы: о том, почему мама все время пилит отца, называя бухариком, хотя отец, слесарь-сантехник их же дома, вопреки всем традициям коллег, не пил. Ну, так, помусолит бутылку пива в субботу – тоже мне пьянство! Думала о директоре школы, в которой работала учителем истории: зачем он носит рыжий парик? Ну, лысый – вот невидаль. Ему в его старинные 54 года уже о вечном думать пора, а он – в парике. Тоже мне, Ленин-нелегал нашелся.

Особенно Светка любила думать об истории. Точнее даже, об истории России. Вся остальная история, так называемая всеобщая, ей представлялась в виде какого-то кордебалета. Это неправильно, конечно, но представлялось именно так. Например, Светка часто видела себя Екатериной Первой. Именно Первой, супругой Петра Алексеевича, а не Екатериной Второй – Великой и популярной. Ей нравилось в мыслях повелевать повелителем. От нечего делать она иногда фантазировала: вот Петр вернулся из Шведского похода в Петербург – усталый, нервный, простуженный. А она ему – чарочку и яблочко моченое: «Выпей, Петруша, майн херц, закуси, расслабься...». Петруша Первый послушно выпивал, закусывал, а потом начинал приставать. Как он здорово приставал! Не то, что этот придурок Вовчик Переверзев, сосед по их коммуналке. Это соплежующее существо, знакомое ей чуть ли не с момента их зачатия папашами-друганами и мамами подружками, было способно только смотреть на ее коленки печальными коровьими глазами. Ну и мужик нынче пошел! Противно просто.

Иногда Светка представляла себе себя Александрой Михайловной Коллонтай: красивая, хлесткая, умнющая. А рядом с ней шикарный кобелино Павел Ефимович Дыбенко, молодой, нахальный, с понтами. И, конечно, на коленях у ее ног: хочу – пну, хочу – дам мизинчик поцеловать. Красота, одним словом.

Каждый день Светка переживала несколько жизней. С 7.00 до 8.30 она была Светиком. Так называла ее мама. Она заботилась о дочери точно так же, как и тогда, когда пятилетняя Светка воровала у старшей сестры жвачку и кланчила мороженое. В отличие от старшей на год Варвары, с детства бывшей взрослой занудой, Светка была всеобщей любимицей, чем пользовалась грамотно и цинично.

С 9.00 до 14.00 Светка была Светланой Николаевной, подающим надежды молодым педагогом, едва не ставшим этим летом Учителем Года. И стала бы, если б правильно поняла пространные намеки председателя жюри – удивительно противного козла, любившего пастись в чужом огороде.

С 14.00 до 19.00 она была сама собой: болтала по телефону с подружками, ходила на степ-аэробику и в соседнюю кафешку, а под хорошее настроение готовила ужин для всей семьи, чем вышибала слезу у мамы и отца и почему-то злила Варвару. Последнее доставляло особое удовольствие.

С 19.00 до 23.00 Светка могла быть кем угодно. Если выходила пошляться по магазинам или ехала в метро, могла быть девушкой «дайте телефончик» или «куда прешь, дура?!!». Если ходила в кино, была уничтожительницей попкорна и одновременно главной героиней картины.

Ночью Светка не была никем. Ей никогда ничего не снилось. То ли нервная система была в порядке, то ли гены счастливые достались. Всегда проваливалась в сон, как солдат на привале.

Она не была ни дурнушкой, ни красавицей. С первого раза ее внешность было запомнить не так-то просто. И характер у нее был какой-то совершенно обыкновенный. Не то чтоб

не рыба, не мясо, а просто ровный, как железная дорога «Москва-Петербург». Правда, есть на этой дороге, как известно, одна загогулина, но Светкин характер был без нее.

Светлана Николаева была такой обыкновенной, что у нее среди учеников даже прозвища не было. Так, Училка и все.

Правда, после того как второгодник Выдрин из пятого «б» долбанул ее дверью по голове, выбегая из класса, ее пытались звать Пришибленной, но не прижилось. А зря. Было за что. После того дурацкого случая Светка стала другой, хотя и поняла это не сразу.

После удара у нее сильно болела голова. Выдрин так испугался, что от волнения даже вспомнил ее имя и отчество, хотя раньше никогда сделать этого не мог. Он стоял на коленях возле сидевшей на полу Светки и тихо ныл: «Светлана Николаевна, родненькая, не умирайте. Я на пятерки учиться буду. Хотите, я батю в школу приведу? Он мне при Вас жопу надерет, лишь бы у Вас голова не болела». Светка тогда умилилась выдринской искренностью, с трудом встала с пола, махнула рукой и пошла в класс. Урок провела на автопилоте. А потом все как-то прошло. Шишка на лбу рассосалась, сменивший ее синяк пожелтел, а потом и вовсе исчез. Казалось, никаких последствий не было – ни сотрясений, ни потрясений. Казалось. Потом выяснилось, что последствия все-таки были. Обнаружились они совершенно случайно.

Как-то вечером отец развлекался бутылочкой «Петровского».

– Ты б не пил, – просто так брякнула Светка, – а вдруг ночью начальник ТСЖ вызовет.

Неожиданно так и случилось. У начальника ТСЖ – злющего и противного человека с подходящей фамилией Мерзоев – прорвало батарею парового отопления. Затопив соседей двух нижних этажей, он бесился и орал на отца, обвиняя его не только в пьянстве, но и в других смертных грехах, включая развал Советского Союза и развязывание Второй мировой войны.

На то, что Светка «накаркала» ту веселенькую ночь, тогда никто не обратил внимания. Но через пару дней, когда мама – заядлая футбольная фанатка – предсказала по телефону поражение петербургского «Зенита» в кубке УЕФА, Светка не только опровергла ее утверждение, но с уверенностью назвала счет, сказав кто когда и в чьи ворота чего забьет. Уже то обстоятельство, что дочь без запинки назвала фамилии, которых она в принципе знать не знала, домашних очень удивило. Всем близким было хорошо известно ее полнейшее невежество по части футбола. Когда же на следующий день игра полностью сложилась по Светкиному сценарию, мама долго смотрела на нее задумчиво.

– Не бывает таких совпадений, – дрогнувшим голосом сказала она тогда.

– А я-то тут при чем? – пожал плечами Светка. – Брякнула от балды, а оно, видишь, как получилось. Случайность...

Может быть, все бы и поверили в случайность, но спустя какое-то время, проходя перед сном мимо родителей и сестры, чинно смотревших на кухне по телевизору выпуск новостей, она, вскользь взглянув на комментатора, говорившего что-то, стоя на фоне Белого Дома в Вашингтоне, вдруг сказала:

– Доиграются эти американцы со своими санкциями, будет у них экономический кризис похлеще предвоенного!

...На следующий день все российские дикторы на разных каналах со скорбными лицами радостно рассказывали зрителям о том, что Штаты захлестнул невиданный экономический кошмар, что Байдену теперь не до санкций и что-то там еще.

Мама и отец заботливо усадили младшую дочь в кресло, где всегда разрешалось сидеть только главе семейства, и начали задавать вопросы, походившие на перекрестный допрос военнопленного.

– Признайся, доча, – мягко настаивал отец, – к вам, наверно, в школу из РОНО приходили, лекцию читали о международном положении?

– Пап, – ныла Светка, – к нам из РОНО только за взятками ходят, ты же знаешь. Да и то в последнее время лентяют, требуют, чтоб прямо к ним приносили. Какие там лекции?

– Может быть, доченька, ты в библиотеке какую-то умную статью прочитала? – вкрадчиво интересовалась мама.

– Да не хожу я в библиотеки, уж месяца два как не хожу! – злилась дочь. – После того, как меня засудили на «Учителе Года», я эти Кладбища Интеллекта на дух не переношу! Ничего я не знаю про этот долбанный кризис. Мне он вообще по барабану. Мне, как друзьям Карла Маркса, пролетариям, терять нечего кроме своих цепей, – она машинально покосилась на свои тоненькие золотые браслетики на запястьях. – У меня зарплата – двадцать четыре восемьсот минус налоги. Что мне ваш кризис?! Если вам так это важно, сами у Байдена и спросите.

Светка встала с кресла и, не пожелав родным спокойной ночи, вышла из комнаты, громко хлопнув дверью.

На утро ее ждал настоящий кошмар. Родители выглядели побитыми бобиками. Их бледные лица были мятыми, как джинсы под коленками.

– Э—э, Светик, – начала мямлить мама, – скажи, пожалуйста, а Байден умеет говорить по-русски?

Светка удивленно пожала плечами.

– Нет, наверное. На вид он вроде бы ничего, хотя, может, и тупой, как мой Выдрин. Кто его знает? Мы с ним вместе на дискотеку не ходили.

– Понимаешь, доча, как-то торжественно и немного скованно начал отец, – нам сегодня с твоей мамой, – он покосился на мать и, дождавшись ее кивка, продолжил, – один и тот же сон приснился. Синхронно, понимаешь? Слово в слово – одно и то же. Будто бы принимает он нас в своем Овальном кабинете в Белом Доме, угощает пепси-колой со льдом и подробно рассказывает о причинах санкций против России. Представляешь, Россию обвиняет, дескать, она – главная причина мирового дисбаланса. И опять же, морда его заокеанская, циферками так и шпарит, так и шпарит. Причем ладно бы наизусть знал! Так нет же, по написанному читает. А мы с твоей мамой как два придурка сидим и киваем: ез, ез, ез, ез. А я даже этого слова толком не знаю, я ведь в школе французский учил.

– В школе ты немецкий учил, – вмешалась мама. – Мы с тобой вообще-то за одной партой сидели.

– Да какая разница: французский, немецкий, марсианский! – вспыхнул отец. Главное, что все мы понимали друг друга, потому что говорили на одном языке.

Светка тяжело вздохнула и, словно делая внушение своим пятиклассникам, сказала:

– Вы бы не наедались на ночь, да сериалов своих бесконечных не смотрели, глядишь, и спали бы нормально.

– Сериалы говоришь, – почему-то вдруг перешел на шепот отец, – а это ты видела?! – и он протянул дочери несколько страниц, исписанных его корявым почерком.

На листках из школьной тетрадки было написано множество цифр, сопровождавшихся словосочетаниями, которыми, вероятно, российские сантехники оперируют не часто: линия тренда, контокоррент, факторинг, овердрафт, лизинг, опционы, фьючерсы, свопы...

– Полный форфейтинг, – прокомментировал отец попытки дочери разобраться в его писанине.

– И что все это значит? – туповато посмотрела на отца Светка.

– Ничего! – вдруг перейдя почему-то на фальцет, разозлился отец. – Я из этих слов только слово «линия» и знаю. Но даже не это главное. Ты посмотри, что мать написала. Мы с ней, как проснулись и выяснили, что нам приснилось одно и то же, сразу написали все, что запомнили, на бумаге. Друг к другу не подглядывали! – один в один получилось!!

В подтверждение его слов мама протянула свои листы дочери. Сомнений не было: тексты совпадали полностью. Правда, у матери ошибок было поменьше, и почерк был по-женски аккуратный, а так – один к одному.

– Ну, вы даете, вундеркинды, – восхитилась Светка. – В «Минуту славы» напишите – вас обязательно покажут. Выиграете пару миллионов, лекарств от своих глюков купите и все будет хорошо.

– Спасибо, доченька, за понимание, – поджала губы мама.

– Мы, Светлана, собственно, даже не об этом беспокоимся, – с еще большей торжественностью в голосе сказал отец. Мы тут припомнили кое-что. Странное дело получается. В последнее время все, о чем ты говоришь вечером перед сном, сбывается.

– И, заметь, – встряла в разговор мама, – все это началось после того как ты... ну, как бы это выразиться точнее...

– Дверью по башке получила, – поточнее выразился отец.

– А ваш последний сериал, часом, не про фантастику будет? – поинтересовалась Светка.

– Да не смотрим мы никаких сериалов в последнее время! – разобиделся отец. – Мы, это, больше на всякие там развлекательные шоу переключились. «Пляски на льду» там всякие.

Светка с интересом посмотрела на мать, вздохнула и мысленно сплюнула:

– Эрудиция, как у моих пятиклассниц, – с тоской прикинула она...

Глава 2. Гагарин, я вас любила!

День прошел как обычно. Светлана Михайловна добросовестно отбарабанила пять уроков, замучавшись рассказывать о Трое, Троянском коне и Гомере, поведавшем обо всем этом. К концу пятого урока ей стало немного тоскливо от повторения своим лоботрясам одних и тех же заученных фраз. Она вела урок, словно джип по глубокой колее. Ее мысли крутились, как колеса, становясь привычными словами, а в сознании вдруг параллельно стали возникать совершенно другие сюжеты. Вот она рядом с Генрихом Шлиманом. Генрих почти без акцента говорит ей:

– Светлана Николаевна, зовите меня, пожалуйста, по-русски Андреем Аристовичем. Так, между прочим, в моем российском паспорте записано. Я, чтоб Вы знали, с 1847 года подданный его величества государя императора Николая Павловича. В юности хотел жениться на своей мекленбургской возлюбленной Мине Мейнке и вместе с ней уехать копать Трою. Но она поспешила выйти замуж за другого. Я, было, собрался жениться на Екатерине Петровне Лыжиной, но тут встретил Вас. Вы прекрасны, Светлана Михайловна! Предлагаю Вам руку и сердце. Давайте обвенчаемся и вместе уедем на раскопки. Я – археолог-самоучка, а вы профессиональный историк. Про Трою своим балбесам так внятно рассказываете, словно всю жизнь в этой самой Трое прожили! Не томите меня, прекрасная Светлана Михайловна! Выходите за меня!

– Да, я согласна! – радостно ответила Светка и вдруг пришла в себя.

Весь класс молчал. Казалось, все взгляды слились в единый взгляд Агамемнона. Даже Выдрин таранился на нее с невиданным напряжением.

– С чем вы согласны, – робко спросила отличница Коровина.

– Да, я согласна, что мы пока еще слишком мало знаем об истории Трои. Но ее история учит любви к Родине, к своему народу!

– К женщинам! – компетентно добавил второгодник Выдрин.

– Что ж, и к женщинам тоже, Выдрин. Женщины – это часть народа, – дурацким поучающим тоном объяснила Светлана Николаевна. – Вот когда ты, Выдрин, доучишься хотя бы до девятого класса, тогда и поговорим на эту сложную тему.

– Не доучится, – мрачно сообщил неразговорчивый обычно очкарик Цигельман. – В армейку его заберут.

Класс радостно засмеялся.

– Не заберут, – меня папка отмажет! – убежденно сообщил Выдрин.

– Что ж он тебя от второгодничества не отмазал? – угрюмо поинтересовался Цигельман.

– А это, Цигель, не твое дело. Может, я в академическом отпуске. Может, я к полету в космос готовлюсь. Секретно.

– Гагарин, я вас любила! О, ля, ля, ля, ля! – гадким фальцетом пропел Цигельман.

Класс опять рассмеялся. Светлана Михайловна постучала указкой по столу и, строго посмотрев на портрет Циолковского, отчего он, казалось, даже виновато моргнул, отчеканила:

– Немедленно прекратить смех! Летчик-космонавт Выдрин, если вы еще хоть один раз начнете свои фантазии воспроизводить вслух, я вас на третий год оставляю. Станете сразу командиром отряда космонавтов.

Хохот пятиклассников слился со школьным звонком.

До самого вечера Светка думала о том пятом уроке. Нельзя так распускаться! Нельзя терять контроль над собой! Да, скучно по сто раз талдычить одно и то же, но это не повод к тому, чтобы вести себя, как Выдрин. Он вслух фантазирует об отряде космонавтов. Но он ребенок. А я – дура двадцатитрехлетняя – о Шлимане размечталась, под венец с ним собралась. Кошмар какой! А эта выходка Цигельмана с песней про Гагарина?! Обидел Выдрин. Он хоть

и второгодник, но все же – человек! Что этот Цигельман знает про Гагарина?! Правда, я тоже мало что знаю.

К вечеру почему-то настроение испортилось вовсе. Его окончательно доконал воздыхатель Вовчик Переверзев. Зайдя к ней «на минуточку», он проторчал у Светки почти полтора часа. И ладно бы делом занимался, целоваться бы полез или там руками своими дурацкими заблудился в ее халатике. Так нет же, долбил, как дятел, одно и то же:

– Пойдем на дискотеку, пойдем на дискотеку...

В конце концов, Светке это надоело, и она брякнула, выпихивая его за дверь:

– Не пойду я на твою дискотеку, свидание у меня!

– С кем? – беспомощно заморгал Вовчик.

С Гагариным, блин!

– С каким?

– С Юрием Алексеевичем, первым космонавтом СССР!

– Так ведь он же уже того..., – Вован показал растеряно пальцем в сторону космического пространства.

– Это, по-твоему, единственное препятствие? – взвилась, как ракета Светка. – Хорошо.

С другим Гагариным, с князем Андреем Григорьевичем! Тебе полегчало?

– Так и он вроде тоже того, – засомневался Вовчик.

– Того, того, – передразнила его Светка. – Все тебе не так.

– Не, ну честно, Светик!

– Хочешь честно? – на пустом месте вдруг разозлилась Светка. – Можно и честно!

С Андрюхой Шлиманом, знаешь такого? – злорадно спросила Светка.

– Я не обязан помнить всех твоих ухажеров, – с тоской в голосе прошептал Переверзев.

– Ты, кажется, мастер спорта по плаванию? – вдруг вспомнила Светка.

– По вольному стилю, КМС.

– Вот и греби отсюда вольным стилем, – прошипела Светка.

Вовчик тяжело вздохнул и вышел из комнаты, аккуратно прикрыв за собой дверь.

Светка проводила его взглядом, и с чувством исполненного долга легла спать.

– Достанется же такое Му-Му кому-то, – с тоской подумала она, засыпая.

Казалось, она еще не успела уснуть, как в ее дверь кто-то осторожно постучал. Светка немного удивилась, потому что родители никогда не стучались к ней в дверь. Отец, правда, в последнее время, иногда то стучал, то скребся, то просто покашливал, прежде чем войти в комнату. Ей это нравилось: отец начинал видеть в ней не только дочь, но и взрослую особь противоположного пола. Почему-то это было приятно. Отец никогда не ждал приглашения войти. Он просто обозначал свои намерения и входил. Поэтому и сейчас Светка промолчала. Дверь не открылась, и деликатный стук повторился снова.

Светлане это показалось забавным и она, словно принимая правила какой-то неизвестной ей пока игры, с напускной официальностью негромко, но четко сказала:

– Прошу вас, входите без церемоний, сударь.

Дверь неспешно отворилась, и на пороге показался человек лет тридцати. Одет он был очень странно: черный цилиндр, черный в едва уловимую серую полоску сюртук, белоснежная рубашка со стоячим воротничком, галстук-бабочка. У него были густые темные усы, лихо закрученные вверх.

– Что за фигня? – мелькнуло в голове у Светки. – Вроде не Новый год и не первое апреля. Неужели это Вовчик так принарядился? Может, на его дискотеке сегодня какой-нибудь маскарад? Классный прикидец! Прикольный! Гримом он, что ли намазался?

– Привет! – дружелюбно кивнула она Переверзеву. – Все-таки решил тусоваться?

– Доброй ночи, милостивая государыня, – незнакомым приятным тенорком сказал вошедший. – Простите великодушно, вы, вероятно, ожидали не меня. Мне трудно объяснить

свое появление, но какие-то неведомые силы привели меня в вашу опочивальню в неурочный час. Примите мои заверения в моем глубочайшем почтении к вашей милости. У меня складывается впечатление, что мы давно знакомы, что мы вели душевные беседы о раскопках Трои. Помнится, я был восхищен вашим знанием истории Древней Греции.

– Знания как знания, – смутилась Светка. – Обычный красный диплом педунивера. Ничего особенного. Ну, так, подчитала кое-что. Ну и, конечно, как говорится, внеклассное чтение – Гомер, Шлиман.

– Ваше великодушие не знает границ! Ставить меня на одну ступень с великим Гомером – это честь не по заслугам.

– То есть, вы хотите сказать, – произвела вычисления методом исключения Светка, – что вы Шлиман?

– Ваш покорный слуга, – с достоинством поклонился гость. – Генрих Эрнстович Шлиман, или, если угодно, Андрей Аристович. Если не возражаете, лучше просто Андрей. Не люблю церемоний. К тому же, я немец по рождению, а у нас чаще называют только имя. Если позволите, я сяду в вашем присутствии. Устал с дороги. Столько дней на перекладных добирался до Петербурга. Но даже российские дороги лучше, чем этот ужасный пароход из Калифорнии.

– А что, авиарейсы отменили? – необдуманно поинтересовалась Светлана.

– Простите? – растерялся Шлиман.

– Да это я так, пошутила. Не обращайтесь внимания, – спохватилась Светка. – Если честно, хочу понять: это вы мне снится, или мы на самом деле с вами пересеклись?

– Пересеклись... Какое дивное слово. Какое емкое, точное, по-настоящему русское. Есть в нем что-то геометрически четкое. Прямо евклидова геометрия! Странно, что я прежде не встречал это слово в таком контексте.

– Сейчас все так говорят, – махнула рукой Светка.

– Сейчас? – удивился Шлиман.

– Ну да, сейчас в Петербурге, да и в Москве, где угодно в России.

– Вот видите, что значит ненадолго оставить свою вторую Родину! – картинно всплеснул руками Шлиман. – Стоило мне всего на год уехать в Калифорнию и влезть там в этот не такой уж сказочно прибыльный золотой бизнес, как начал отставать от современной жизни. Ну, да Бог с ним, пустое. Я ведь к вам по делу, милостивая Светлана Николаевна.

Шлиман откашлялся, поправил и без того безукоризненно сидевший на нем галстук-бабочку и встал со стула.

– Позвольте, сударыня, предложить вам руку и сердце. Не говорите «нет», не дослушав меня. Мы с вами, по существу, почти не знакомы, но нас связывают какие-то незримые нити судьбы. За всю жизнь я встретил лишь однажды женщину, которой были бы так близки мои взгляды на Гомера, на Трои, на археологию.

– Да, я в курсе, – бесцеремонно перебила Шлимана Светка. – Я читала, что в юности вы были влюблены в свою подружку Мину Мейнке, но она, не дождавшись вас, выскочила замуж.

– Вот-вот, – оживился Шлиман, – именно выскочила! Не знаю, где вы про это могли прочитать, но это истинная правда. Прошу вас, будьте моей женой. Мы вместе уедем из этой страны, мы отыщем Трои. Мы всем докажем, что царь Агамемнон – это не вымысел, а чистейшая правда.

– Так вот сразу и поженимся, – проворчала Светка. – А как же, так сказать, конфетно-целовальный этап нашего знакомства? Да и потом, сорваться так, в середине четверти – полная туфта.

– Проклятая Калифорния, майн либен! Я опять пропустил что-то важное! Что есть туфта?

– Туфта она и в Африке туфта, – веско рассудила Светка. – Фуфло это, короче. Предложение ваше заманчивое. Тем более, что вы станете всемирно знаменитым и еще богаче.

– Вы верите, что я найду Трою, что она там есть?

– В Греции все есть! – убежденно кивнула девушка. – И микенскую цивилизацию откроете, и «клад Приама» раздобудете...

– Вы верите в это?! – восторженно воскликнул Шлиман.

– Не верю, а знаю, – пожала плечами Светка. – Кстати, и про Екатерину Петровну Лыжину, жену вашу будущую, тоже знаю.

– Невероятно! – сказал потрясенный Генрих, он же Андрей. – Вы настоящая провидица. Признаться, вы мне подходите куда больше Катеньки, но видно от судьбы не уйдешь.

Он еще раз зачем-то одернул бабочку и тихо сказал:

– И все же, позвольте мне надеяться. Вместе мы смогли бы несказанно больше.

– История не имеет сослагательного наклонения, – выдала Светка заученную фразу.

– Как это мудро и как это ново! – восхитился Шлиман. – Вы удивительная женщина!

– Нормальная, – критично оценила себя Светка.

– Знаете, Светлана Николаевна, в Калифорнии сейчас происходят странные события. У меня сложилось убеждение, что вот-вот в Американских Соединенных Штатах может грянуть гражданская война. Север и Юг довели конфликт до точки кипения!

– Ну да, – согласилась Светлана, – до 1865 года будут воевать. А потом все устаканится. Естественно, кризис тридцатых годов XX века, кризис 2008 года, Китай на пятки наступает, Трамп так начудил, что до сих пор икается, но в принципе – богатая и успешная страна.

– Я восхищен еще раз вашим предвидением. Не знаю, откуда вам все это известно, но должен заметить, что американцы и англичане все время ведут разговоры о мировом правлении. Следуя в Россию, я разговаривал на пароходе с одним джентльменом, владельцем крупного банка. Я знал его еще по Калифорнии – мы с ним, как вы выражаетесь, пересекались на почве деловых отношений. Благодаря ему я свой капитал увеличил вдвое, но и он, думаю, не остался в накладе. Так вот, как-то раз мы хорошо посидели над бутылочкой виски, и он доверительно сообщил мне, что является членом влиятельной масонской организации. Вы не поверите, но он утверждал, что скоро вся цивилизация будет жить так, как ей будет предписывать англо-саксонская культура. Тогда мы крепко повздорили и дня два проведенных в пути при встречах на палубе лишь ограничивались сухими приветствиями. Я считаю, что человечество не в праве забывать о предшествовавших цивилизациях. Нас и сейчас питают духовные корни Древней Греции и Древнего Рима. Не сомневаюсь, что были и более ранние высокие цивилизации. Так что же, их опыт вычеркивать из анналов истории? А великая немецкая культура! Ей что, тоже нет места среди людей цивилизованного будущего?

– Вы как пятиклассник, ей Богу, – искренне удивилась Светка. – Сейчас в России даже дети знают, что однополярный мир не имеет перспективы.

– А вот мой знакомый банкир говорит, что имеет! Он убежден, что вот-вот должен окончательно сложиться некий международный институт единой общепланетной власти.

– Поживем – увидим, – спокойно сказала Светка и с большим усилием сдержала зевот.

Это не прошло незамеченным мимо ее собеседника.

– Простите, что так бесцеремонно злоупотребил вашим добрым ко мне расположением. Не смею больше настаивать на своих предложениях. Позвольте мне только оставить надежду на то, что вы снизойдете до них. Если в ваших планах что-нибудь изменится, очень прошу вас: дайте мне знать.

Он вынул из кармана визитку и аккуратно положил ее на край стола.

– Позвольте откланяться, милостивая государыня, – сдержанно сказал он и, поклонившись, тихо удалился. Правда, через мгновение он появился вновь и виновато сказал:

– Простите, сударыня, но меня уполномочили передать Вам странные слова. Позвольте повторить из слово в слово, хотя я совсем не понимаю, о ком идет речь: «Малоизвестный факт:

Юрий Гагарин родился 8 марта 1934 года. Родителей смутила дата рождения мальчика, и они записали его якобы родившимся 9 марта».

Шлиман помолчал, потер переносицу, пожал плечами и удалился. На этот раз – навсегда.

– Приснится же такая чушь, – подумала Светка. – Говорила же мама: «Не спи, доченька, на левом боку». Она повернулась на правый бок и словно провалилась в пустоту...

На следующее утро Светлана поначалу даже не вспомнила о ночном видении, но белый прямоугольник из плотной бумаги на столе заставил вздрогнуть. На визитке каллиграфическим почерком от руки было написано: «Андрей Аристович Шлиман, владелец предприятия по продаже индиго и чилийской селитры».

– Полный абзац! – интеллигентно подумала молодая учительница, и по ее телу почему-то поползли мурашки величиной с небольшого таракана.

День проплыл, как в тумане. Она вела уроки, общалась с коллегами, переходила улицу на зеленый свет, дома готовила легкий салатик к ужину, что-то не впад отвечала на вопросы родителей. Ей хотелось побыстрее добраться до постели, чтобы уже осознанно провести эксперимент над самой собой.

После того, как она обнаружила у себя на столе визитку Шлимана, Светка поняла, что вляпалась в какую-то странную историю. Самое скверное, что эта история ей очень нравилась: она будоражила сознание и разгоняла по кровушке адреналин. Пресная прежняя жизнь могла стать куда как интересней.

Светлана все отчетливей понимала, что ночной визит Шлимана – это реальность, а не сон. Значит, и родители каким-то странным образом общались с всамodelешным американским президентом. Полная фигня! Но какая интересная!! Светка рассуждала сама с собой:

– Это получается, что при желании я могу встретиться с кем угодно и где угодно? Стоп! Так это значит, что можно не только в прошлое, но и в будущее нырнуть? Спасибо тебе, Выдрин! Уж не знаю, что ты там в моих мозгах сотряснул, но со скукой в жизни явно покончено.

Она стала судорожно соображать, что бы ей такое узнать про свое будущее? Может, выяснить, за кого замуж выйдет? Хорошая идея, но глупая. Это она всегда успеет сделать. А вот что-то помасштабней... Правильно! Именно помасштабней. Что это там вчера ночью Шлиман плел про общепланетную власть?

Светка пожелала родителям спокойной ночи и ушла в свою комнату. Она включила компьютер, зашла в Интернет и стала искать там что-нибудь по этой теме. Сначала толком ничего не получалось. Догадавшись, что дело, скорее всего, в терминологии, она порылась в словаре синонимов и в конце концов докопалась до термина «мировая закулиса».

– Это уже интересно, – подумала Светка и окунулась с головой в мировую паутину.

О мировой закулисе в Интернете было столько всякого, что в какой-то момент она почувствовала, что окончательно запуталась. Но вдруг в ней заговорило самолюбие недавней студентки-отличницы. Она вспомнила все, чему учили ее вузовские методисты, и решила попытаться выбрать из потока информации наиболее научную. Она зашла на сайт ВАКа и стала просматривать заголовки авторефератов диссертаций по политологии. Вскоре она нашла то, что искала. Некий Владимир Борисович Петренко вывесил на сайте текст автореферата своей докторской диссертации «Институциональные проблемы мирового управления в социально-политической сфере».

– Ну-ну, – самодовольно хрюкнула Светка, ощутив себя самым крутым хакером всех времен и народов. Она бегло просмотрела текст и загрустила: из него она ничего не могла понять. От «парадигмальных основ генезиса глобального управления» одна мозга заходила за другую, заклиниваясь, казалось, навсегда.

Светка решила не брать эту научную высоту с разбега и начала читать текст вдумчиво, строчку за строчкой. Понятного в тексте стало еще меньше.

Она с сожалением выключила компьютер и легла в постель. Ее мучил стыд оттого, что она не смогла разобраться в том, о чем писал будущий доктор наук. В институте подобного никогда не бывало. Нет, припомнила она, один раз было. Лекцию по философии читал какой-то молодой препод. Он очень гордился собой, своими знаниями и возможностью покрасоваться перед аудиторией, где были почти одни девчонки-второкурсницы. Видимо, по этой причине, а может быть просто потому, что был очень умным, говорил так сложно и непонятно, что ей казалось, будто молодое дарование говорит на каком-то неведомом иностранном языке. Перед экзаменом по философии она специально пошла на кафедру проконсультироваться по непонятной теме. На кафедре откровенно скучал старенький заведующий, который искренне обрадовался возможности поговорить. За пять минут он просто и внятно изложил Светке все, о чем полтора часа подряд умничал юный философ.

– Остается, как в былые годы, пойти на консультацию к этому самому Владимиру Борисовичу Петренко. Только где его искать?

Глава 3. Следи за ее левой рукой

С этой мыслью, осознав, что она сделала все, что было в ее силах, Светка уснула. Но сон оказался очень недолгим. С удивлением Светлана поняла, что день давно уже начался, и она входит в какой-то кабинет, на двери которого висела табличка: «Завкафедрой политологии доц. В. Б. Петренко».

– Домечталась, – успела подумать Светка, но было уже поздно: она стояла посреди небольшого кабинета. За столом, заваленным книгами и листами бумаги, сидел человек лет пятидесяти с небольшой седоватой бородой. Он оторвал свой взгляд от старенького ноутбука и неожиданно весело посмотрел на Светлану совершенно молодыми глазами.

– Заблудились или по делу, барышня? – с легкой иронией спросил Владимир Борисович. – Что-то раньше я вас на лекциях не видел. Прогуливали?

– Нет, не прогуливала, – честно призналась Светка. – Я не студентка. Я педагог, в смысле, школьный учитель истории. Простите, что отвлекаю вас от дел, но мне очень надо разобраться с этой самой мировой закулисой.

– Неужели школьники на эту тему вопросы задают? – удивился Петренко.

– Нет, не задают, мне самой разобраться надо.

– А зачем вам это? – искренне удивился доцент.

– Для самообразования, – почти не соврала Светлана Михайловна.

– Мне приятно, что вы интересуетесь этой проблемой, но времени у меня в обрез.

– Простите, я знаю. Я заходила на сайт ВАКа и видела, что у вас через неделю защита докторской. Но я не отниму у вас много времени. Мне б только понять, что это такое и все.

– Всего на всего, – с иронией в голосе усмехнулся Владимир Борисович. – Тут сам черт ногу сломит! Правильней было бы называть это явление не «мировой закулисой», а системой глобального управления. Вам это все часика за три изложить, или за пять минут?

– Можно и за минуту, я сообразительная, – неожиданно для самой себя обнаглела Светка.

– Что ж, извольте, – кивнул ученый. – Для простоты восприятия структуру глобального управления можно разложить на три составляющие. Первая – это информационное, точнее, социально-психологическое управление. Его главные элементы – это «Ценностная элита», собранная в «Римском клубе» и «Функциональная элита», группирующаяся вокруг «Мирового форума». Вторая – политическое или, говоря иначе, геополитическое управление. Оно включает в себя «Круглый стол», Королевский институт международных отношений, на который замыкается Совет по международным отношениям. Ему, в свою очередь, подчиняются Бильдербергский клуб и Трехсторонняя комиссия. Ступенькой ниже расположены НАТО, Группа «G7» и ЕС. Третья – финансовое и экономическое управление. Им рулит «Вашингтонский консенсус». Это довольно сложная структура, включающая в себя Министерство финансов США, Международный валютный фонд, Международный банк реконструкции и развития. В эту же структуру, только ступенькой ниже, входят ФРС США, Банк Англии, ЕЦБ, ВЭФ, ВТО, ОЭСР. В структуре глобального управления есть и исполнительные органы: Инициатива «Хартии Земли», Будапештский клуб, СМИ, международные неправительственные организации, университеты, институты, центры. Такие вот колядки планетарного масштаба! Надеюсь, вопросов больше нет?

– Да, в общем-то, все понятно, – пожала плечами Светлана.

– Хорошо бы, чтобы и диссертационному совету было тоже понятно, – усмехнулся Петренко.

– Правда, все очень понятно, – сказала бывшая отличница. Она подошла к небольшой доске, висевшей в кабинете, взяла в левую руку мел и быстро начала чертить схему взаимосвязей структур глобального управления.

– Вы левша? – немного удивился доцент.

– Естественно, – кивнула Светка, потому что для нее это было на самом деле естественным.

– Я тоже, – доверительно сказал Петренко, – только я – переученный левша.

– Это как? – не поняла Светка.

– В годы моего детства педагоги и родители считали, что левша – это ошибка природы и с младенчества переучивали всех левшей на правшей. А сейчас ученые доказали, что левши – очень даже одаренные люди, творцы по натуре.

– Может быть, – скромно пожала плечами Светка.

– Фантастика, – восхищенно сказал Владимир Борисович. – Вы все уловили мгновенно. Кстати, вы подали мне прекрасную идею. На своей защите я представлю эту структуру в виде вашей схемы. Разумеется, поправлю кое-что. Так что, спасибо за идею, коллега.

Он расплылся в широкой улыбке и сказал:

– Знаете что, приходите ко мне на защиту. Поболтайте за меня, а?

– Постараюсь, – честно призналась Светка. – Если можно, ответьте еще на один вопрос. Если бы вы изучали не только теорию, но и практику этой проблемы, с чего бы вы начали?

– Ничего себе вопросик, – хохотнул ученый. – Тут есть что изучать! Тут все интересно. Только, понимаете, все эти структуры весьма закрыты. Формально они доступны любому и каждому, а на деле – железный занавес похлеще того нашего старого, советского. Но, если постараться вгрызться в суть проблемы, я бы поучаствовал в работе Римского клуба. Именно он идейно питает все остальные структуры.

– А где он находится? – тоном первокурсницы спросила Светка.

– Забавный вопрос, – развеселился Петренко. – Ну не на Рублевке же. Естественно, в Риме. Только не думайте, что вас там кто-то ждет. Попасть на его заседания практически невозможно. Но если помечтать... Видите ли, один мой знакомый дипломат рассказывал, что лидеры этого Клуба любят собираться на свои неформальные посиделки в маленьком ресторанчике. Его даже и ресторанчиком-то назвать нельзя, так, небольшая забегаловка, но очень колоритная. Настоящий культурный срез провинции Лацио.

– ?

– Лацио, милая барышня, это провинция, в которой расположен Вечный Город, то бишь, Рим. Слыхали о таком?

– Спасибо за вопрос, – немного обиделась Светка.

– Да ладно вам, я же шучу, – почему-то серьезно сказал доцент. – Если вам так важно, скажу, что тот самый дипломат мне даже его точный адрес назвал – улица Виминале, дом 2ф, это рядом с метро «Площадь Республики», если знаете. Кстати, как у вас с итальянским?

– Никак, – откровенно призналась Светка. – С английским нормально, французский немного...

– Хватит и английского, – отмахнулся Петренко. – В Риме на нем почти все шпрехают. Я бы на вашем месте приехал в Рим, зашел бы в ту харчевню, сел бы в сторонке, заказал бокал вина и ловил бы удачу.

– Именно так я и поступлю, – пообещала Светка...

Светлана проснулась непривычно рано: чуть позже шести утра. Она лежала в постели и не торопясь, обдумывала все, что ей рассказал доцент Петренко. Безусловно, к его советам стоило прислушаться. Тем более, что для отправки в Рим, как выяснилось, не нужно было оформлять визу. Достаточно было лишь подумать и сказать о своем желании отправиться туда перед сном. Странно, однако, сама поездка в Италию Светку совсем не волновала, словно она проводила там каждый уикенд. Она больше задумывалась о механизме своего странного перемещения во времени и пространстве. Это что ж, получается: стукнулась башкой и обрела чудесный дар? Мало ли кого по голове лупят! Она не находила объяснение происходящему.

Но непонятным ей было не только это. Светлана никак не могла понять: то, что с ней происходило, было ли сном или какой-то странно искаженной реальностью? На сон происходящее походило только по форме. Ну, какой может быть сон, если после встречи с тем малохольным археологом на ее столе утром оказалась его визитка. Значит, все происходило в действительности. Но сколько длились те встречи? Как она и другие люди перемещались во времени и в пространстве? Как происходило совмещение разных времен в единую временную систему? Это были вопросы, на которые не было ответа. Обладая природной дотошностью, Светка решила кое в чем разобраться. Особенно ей не давали покоя слова доцента Петренко о глобальном управлении миром. Что же это за Римский клуб такой?

Не вставая с постели, она блуждающим взглядом осмотрела книжные полки. На самой верхней стоял голубоватый том Популярного энциклопедического словаря. С неохотой встав с кровати, она взяла толстенную книгу и с блаженством рухнула опять на постель. Полистав энциклопедию, она, наконец, нашла нужную страницу и прочитала: «Римский клуб – международная общественная организация. Основана в 1968 году с целью исследования развития человечества в эпоху научно-технической революции. Сыграла важную роль в привлечении внимания мирового сообщества к глобальным проблемам».

– Прямо не клуб, а дом культуры, – саркастически подумала Светка. Эта симпатичная энциклопедическая формулировка совершенно не увязывалась с тем, что говорил ей доцент Петренко. А ведь он тоже кое-что соображал – на днях должен был защищать свою докторскую.

– Что ж, – решила она, – пора уматывать в Рим.

Глава 4. Медленные лица надевают глаза

Светка даже не заметила, что последние слова она произнесла вслух. После этого, блаженно потянувшись, молодая мечтательница вновь уснула. Она пришла в себя от слов, раздававшихся из какого-то репродуктора:

– Сейчас в Риме плюс двадцать два градуса. Экипаж корабля прощается с вами и желает счастливого пребывания в итальянской столице!

Светлана открыла глаза и увидела, что десятки оживленных людей неспешно пробираются к выходу из самолета. Ее замешательство было недолгим.

– Брякнула я про Рим и, судя по всему, опять уснула, – отчетливо отложилось в ее сознании. – А если я, не дай Бог, буду здесь находиться в реальном времени? Интересно, кто за меня будет проводить занятия в школе? Да и родители с ума сойдут! Да еще этот чертов Переверзев будет дергаться и моргать своими коровьими ресницами. Рискованная затея, но теперь уже ничего не поделаешь – не засыпать же опять в салоне самолета, когда все подались на выход.

Будучи девушкой весьма практичной, она первым делом заглянула в свою сумочку. Там лежал ее загранпаспорт, которым она не пользовалась уже года два. Открыв его, Света неожиданно обнаружила Шенгенскую визу на один день. Рядом с паспортом лежал обратный билет на сегодня. Стало быть, перемещение произошло только в пространстве, но не во времени.

– И на какие же шиши я буду здесь зажигать?! – спросила, молча, она саму себя.

Словно отвечая на ее вопрос, из-за билета выглядывал краешек небольшого портмоне. Скорее с любопытством, чем с волнением она заглянула в бумажник. Там лежали несколько купюр разного достоинства – от пяти до десяти евро.

– Шестьдесят пять европейских «тугриков», – деловито прикинула она. – Около трети одной учительской зарплаты. Не Бог весть что, но лучше, чем ничего.

Светлана вышла из аэровокзала и сторговалась с таксистом тщедушного вида, сносно говорившего по-английски, за тридцать евро доехать до площади Республики.

– Обманул он меня, наверно, но ничего. Я тут долго быть не собираюсь.

До центра Рима они добирались минут тридцать. Светка с удовольствием крутила головой по сторонам, приходя в восторг от всего увиденного. На шоссе вместо разделительной полосы в аккуратно подстриженную линейку вытянулись кусты лавра.

– Это ж сколько супешника можно было бы zapравить, – мечтательно зажмурилась Светка.

Ее поразили многочисленные пальмы и дома, так не похожие друг на друга.

– Середина октября, а тут настоящее лето, – сказала она по-английски водителю такси. Тот вежливо, но немного удивленно улыбнулся и лишь втянул голову в толстый шерстяной свитер.

– Дикарь! – подумала Светка о представителе древней цивилизации. – Еще бы шубу нацепил!

Мысли о погоде развеяли мотоциклисты и водители мотороллеров, которых было, пожалуй, больше, чем водителей автомобилей. Не меньше половины из них были молодые девушки ее возраста, а может быть и моложе. Она на секунду представила себе такое мотостолпотворение в Москве или в Питере и засмеялась в голос. Таксист даже не покосился в ее сторону, а лишь еще больше вжал голову в плечи.

– Думает, психопатку везет, – радостно решила Светка.

Ей было легко, свободно и удивительно комфортно. Хотелось любить весь мир: забавных мотоциклистов, толстых чернявых теток, мелькавших в оконных проемах, всамделешние пальмы, которые она видела только в мультиках и на обертках шоколадки «Баунти» и даже этого чудаковатого водителя такси. Он, кстати, при всей своей неказистости машину вел

отменно: не лихачил, но запросто обгонял другие машины, умело уворачивался от ехавших по встречной полосе мотоциклов. Он был спокоен, занимаясь своим привычным делом.

Как-то незаметно спальные кварталы сменились замечательными архитектурными ансамблями центра. Колизей, здание Капитолия были очень узнаваемы по школьным учебникам истории. Великолепные храмы поражали строгостью и величием. Неширокие улицы были в меру нарядны; проходившие по ним люди – в меру счастливы. Они были похожи и чем-то не похожи на россиян.

Машина остановилась на тихой улице.

– Улица Виминале, дом 2ф, сеньорита, – вежливо кивнул водитель такси на обычный дом. – Может быть, поужинаем вместе? Я не очень люблю американок, но вы мне нравитесь.

– Я из России, – с некоторым вызовом ответила Светка.

– Какая разница? – удивился шофер.

– Как между Папой римским и тобой, – огрызнулась Светка. – Причем Папа римский – это Россия!

Итальянец откровенно загрустил. Даже когда Светка протянула ему тридцать евро, не глядя, пихнул их в карман, пробурчав:

– Грацио милле.

– И тебе не болеть, – зачем-то по-русски сказала Светка и вышла из машины.

Она стояла у входа в совершенно маленькую забегаловку, двери которой были распахнуты. Над ней висела не очень опрятная вывеска «ER BUCHETTO». Прямо под дверью к дверному проему было подвешено чучело небольшого поросенка.

– Не повезло бедняге, – мелькнуло в сознании Светки, и она переступила порог заведения.

В ресторанчике посетителей не было, все три небольших продолговатых столика были свободны. На нее доброжелательно смотрели двое итальянцев, стоявших возле стойки. Как-то сразу стало ясно, что это и есть хозяева симпатичной забегаловки. Они были очень похожи между собой. Старшему было лет шестьдесят, младшему – лет тридцать пять.

– Наверное, отец и сын, – резонно решила Светка.

Рядом с дверью на специальной подставке лежала туша поросенка, точнее, чуть больше половины туши.

– Стало быть, заведение пользуется спросом, – подумала Светлана и, заказав кусок мяса и красного вина, села в дальнем углу ресторанчика.

Заказ был выполнен мгновенно. Пожилой хозяин большим острым ножом отрезал несколько кусков жареной свинины и положил их перед Светкой на обычный обрывок бумаги. Его сын налил небольшой графин вина, взял с полки чистый бокал и с добродушной улыбкой поставил перед клиенткой.

Удивительно, но Светке показалось, что она пришла сюда не в первый раз. Ей были сдержанно рады, никто не докучал разговорами. Можно было сидеть хоть до бесконечности, есть наивкуснейшее мясо, неспешно запивать его красным чуть терпковатым и, судя по всему, слабеньким вином и просто созерцать мир.

Мимо ресторанчика шли и шли люди. Никто из них не заглядывал в заведение, и все происходившее было похоже на экран огромного телевизора, по которому показывали программу о счастье.

Графинчик с вином закончился как-то сам по себе. Светка взглянула на него совершенно трезвым взглядом, перевела взгляд на предупредительного молодого хозяина ресторанчика и еще раз в упор уставилась на пустой сосуд. Итальянец проворно заменил его на такой же, но только полный притягательной красной влаги.

В это время в «ER BUCHETTO» вошли трое молодых людей. Не так, чтоб уж очень молодых, лет тридцати – тридцати двух. Двое были одеты в дорогие светлые костюмы. Элегантные

галстуки приятно выделялись на фоне белых рубашек. У них были странные, какие-то застывшие лица. Глаза, казалось, отсутствовали совсем, потому что веки были опущены, словно посетители боялись споткнуться о какое-нибудь препятствие на полу. Третий был похож на двух других: такой же высокий и стройный, спортивного телосложения, но одет он был в синие джинсы и обычную клетчатую рубашку, которых в Москве можно встретить в любом трикотажном магазине.

Судя по всему, молодые мужчины здесь бывали часто. Обменявшись громкими приветствиями с хозяевами, гости вальяжно развалились за соседним столиком. Разговор, который они начали, вероятно, задолго до прихода в ресторанчик, велся по-английски. С первых слов Светка поняла, что один из них – итальянец, второй, судя по характерному произношению, американец.

– Должен тебе напомнить, Билли, что Римский клуб создали все-таки мы, итальянцы, – отчаянно жестикулируя, громко заявил тот, что был смуглее. – Еще в 1968 году, когда твои родители и знакомы не были друг с другом, сеньор Печчеи собрал в Риме совещание, в котором участвовали около тридцати крупных европейских ученых – естественники, социологи, экономисты, специалисты в сфере планирования. Ты подумай, какие имена: Янг, Кинг, Тимман. Как говорил старина Печчеи, «срез современного прогрессивного человечества». Вскоре сеньор Печчеи был избран президентом Римского клуба, и он стал заниматься исследованием глобальной проблематики, поиском методов решения общечеловеческих проблем.

– Прости, Антонио, но ты, как всегда, неправ, – дружелюбно сказал Билли. – Даже в мелочах неправ. Во-первых, мои родители уже были знакомы. Они – кузен и кузина и знакомы практически со своего рождения. Во-вторых, и это уже куда важнее, – светловолосый Билли сделал затяжной глоток красного вина, – наш любимый Римский клуб уже тогда не был только творческой лабораторией для романтиков.

Третий молодой человек во время разговора Антонио и Билли не проронил ни слова. Он почти отстраненно смотрел на своих попутчиков, изредка бросая короткие взгляды то на Светку, то на хозяев заведения.

Светка поймала себя на мысли, что не только повторяет про себя каждое слово участников диалога, но и совершенно автоматически копирует их жесты. Она с удивлением взглянула на свой фужер, который еще несколько секунд назад был полон до краев...

– Давай не будем кокетничать друг перед другом, – бодро мотнул белобрысой шевелюрой Билли, – времена дядюшки Печчеи и его наивных единомышленников-говорунов давно уже прошли. Так нелюбимый вами наш зеленый доллар до сих пор диктует миру свои правила игры.

– Но за это вино, – Антонио лукаво кивнул на опустевший графинчик, – мы будем расплачиваться евро, которые вы, янки, так страстно ненавидите.

– Не перегибай палку, дружище, – поморщился американец. – Не мы, американцы, а вы, итальянцы, еще в древние времена заметили: «Деньги не пахнут»! Какая разница: доллары или евро? И вы, и мы сейчас находимся в одной лодке и нам вместе выбираться из кризиса.

– В который, кстати, нас, европейцев, втянули вы, американцы!

– Антонио, – Билли жестом попросил хозяина принести еще вина, – ты экономист. Кому, как не тебе знать, что у нас, по существу, единая финансовая система. И не только она нас объединяет. Мы с тобой глобалисты не просто по убеждению. Глобализм для нас стал больше, чем религия. Ты прекрасно понимаешь, что сейчас у руля Римского клуба стоят отставные политики, люди мудрые, опытные, с железной хваткой, но в почтенных годах. Лишь временно мы ходим у них в помощниках. Пройдет пять, от силы семь лет и вопросами управления миром будем заниматься мы с тобой и еще несколько наших ровесников. В том числе, конечно, и Алексей, который так упорно молчит.

– Простите, просто у меня скверный английский, – комично скривился третий участник встречи. – Понимаю хорошо, но нет разговорной практики.

– Не переживайте, Алексей, – широко улыбнулся Билли. – Скоро вся ваша Россия будет говорить по-английски, и вы в том числе. А пока поезжайте в Нью-Йорк, попрактикуйтесь.

– Я больше Германию люблю, – замотал головой парень в джинсах.

– Скоро стараниями Билли и таких, как он, вся Европа, включая Германию и мою бедную Италию, будут говорить на языке Вильяма Шекспира и Джонатана Франзена.

– Сравнил: Франзен и какой-то там, как ты сказал, Шекспир?! – усмехнулся Билли.

– Похоже, парни, с такими глубокими знаниями классической литературы вы точно будете править миром, – улыбнулся Алексей.

– Если нас не проглотят по дороге такие же ненасытные циники, как и мы с вами, – расхохотался Антонио. – Знаете, парни, я ведь прекрасно понимаю, что глобальное управление миром, в том виде, в каком предполагает Билли, будет представлять собой ярко выраженную англо-саксонскую модель. И здесь, в моем родном Риме, в этом симпатичном месте, – он обвел руками ресторанчик, – будут продавать ваши чертовы гамбургеры, чизбургеры и прочую дрянь, которую еще выдумают такие же умники, как и ты. И в вашей России, Алексей, кстати, тоже.

– Прекрасно, Антонио, – дурашливо поклонился Билли. – Как будущий президент Римского клуба, даю тебе слово джентльмена, что «ER BUCHETTO» будет стоять незыблемо, как Колизей. Это славное местечко, клянусь тебе, станет символом нашей нерушимой мужской дружбы.

– Ты прямо, как Герцен, а я, стало быть, как Огарев! Они тоже в юности клялись на Воробьевых горах в вечной дружбе. А потом Герцен взял да и отбил у Огарева его жену. А Алексей – вылитый Чернышевский, которому на это было наплевать, – саркастически сказал Антонио.

– Герцен? Огарев? Чернышевский какой-то. Что это за парни? Они немцы, или поляки? – живо поинтересовался Билли.

Антонио смачно фыркнул и капли красного вина забрызгали ему полы кремового пиджака.

– Да, Билли, не бывать тебе президентом Римского клуба! Ты же себя считаешь специалистом по России. Эти парни – русские.

– Русские? – искренне удивился американец. – Ну, пока они будут решать свои дела в любовном треугольнике, мы сумеем создать свой мировой порядок. Кроме того, зачем нам они? У нас уже есть свой парень – Алексей Завальный, – он элегантно сделал полупоклон в сторону парня в клетчатой рубашке.

– Билли, – стал задыхаться от хохота его собеседник, – эти парни умерли еще в девятнадцатом веке!

– Не повезло! – пожал плечами рассудительный Билли. – Но русским мы все равно надеемся задницу, как и тогда, в начале девяностых, когда пустили их по миру и развалили Советский Союз! Наступило время американских русских, таких, как наш друг, – приподнял он свой бокал красного вина и опять кивнул в сторону Алексея.

Светка судорожно сделала еще один глоток, беспомощно взглянула на вновь опустевший графинчик, и какое-то странное чувство охватило все ее существо. Ей было обидно за свою страну, ей был ненавистен этот сытый и холеный Билли, она впервые в жизни с явной неприязнью подумала о предрекаемой собеседниками тотальной глобализации планеты.

Она жестом показала владельцу ресторана на опустевший графинчик, что, впрочем, было напрасным, поскольку он уже предупредительно ставил ей на стол новую порцию вина.

– Все бы ничего, – рассудительно сказал Антонио, – мне не очень жаль русских, но я хорошо понимаю, что пятьдесят семь миллионов моих соотечественников в скором времени мало чем будут отличаться от вас, американцев.

– Ну и что в этом плохого? – искренне удивился Билли. – Мы лучше будем понимать друг друга. Поверь, через сто лет все на этой планете будут американцами, ничего страшного в этом нет. А чизбургеры, кстати, не такая уж плохая еда.

Сама не понимая, что делает, Светка взяла в руки полный графин вина и блуждающей походкой подошла к соседнему столику. Собеседники с легкой иронией посмотрели на подвыпившую девушку. Все происходило, словно в замедленном кино: мужчины неспешно разглядывали Светку. Их глаза, еще недавно как будто отсутствовавшие на лицах, постепенно проступали на фоне холеных физиономий. Они были похожи на фотобумагу, погруженную в проявитель: глаза проступали все резче и резче. Они смотрели на Светлану сначала немного удивленно, потом иронично, потом – почти испуганно.

– Это тебе за Советский Союз, – тщательно выговаривая английские слова, пояснила Светка, медленно и печально выливая ровно половину графина на голову Билли. – А это тебе за Герцена, Огарева, их общую жену и Николая Гавриловича Чернышевского, – так же, не торопясь, пояснила она итальянскому Антоше, опрокидывая на него оставшуюся часть красненького.

Собеседники застыли, как Ромул и Рем, присосавшиеся к титкам легендарной капитолийской волчицы. Вино тоненькими струйками стекало по их шикарным костюмам. Хозяйка ресторанчика наблюдали за происходившим с блаженным напряжением, словно нападающий сборной Италии один на один выходил на вратаря сборной Испании.

– Что это за хулиганство?! – воскликнул от неожиданности по-русски Алексей Завальный.

– Прости, Леха, на тебя вина не осталось, – извинилась Светка на родном языке и треснула земляка пустым графином по лбу. Графин разлетелся вдребезги.

Светка неспешно доковыляла до своего столика, вывалила на стол все содержимое сумки и, отыскав портмоне, выгребла из него оставшиеся деньги.

– Сдачи не надо, – тоном загулявшего ларечника сказала она молодому хозяину и, падая за свой столик, уже по-русски добавила:

– Как я хочу домой!

...Светка проснулась от дикой головной боли. Она огляделась по сторонам и поняла, что лежит в собственной постели. Если верить настенным часам, то она проспала не больше минуты. Это что ж, она за минуту успела смотаться в Рим, почудить там, надравшись чуть ли не до поросычьего визга, и вернуться? Так не бывает!

Преодолевая боль, она встала, подошла к письменному столу и открыла ящик, где у нее лежал загранпаспорт. Увидев красноватую книжицу, она открыла ее на нужной странице и с изумлением увидела, что отметки о паспортном контроле стояли, как ни в чем не бывало: оказывается, она сегодня успела вылететь в Рим и вернуться в Москву. Часы показывали шесть часов четыре минуты.

– Полная фигня! – подвела итог своего заграничного вояжа Светка.

Голова раскалывалась все больше и больше. Она порылась в сумке в поисках цитрамона-анальгина-пенталгина, но нашла лишь мятую пятиевровую купюру.

– Надо глотнуть рассольчику! – сама себе сказала она, сугубо теоретически представляя себе этот нехитрый процесс, известный ей исключительно по рассказам бывших однокашников по универу. – Может, мама банку огурцов в холодильник поставила? – с надеждой подумала она.

Ни соленых огурцов, ни сопутствующего им рассола в холодильнике не оказалось. Зато в самом уголке скромно пристроилась красно-белая банка «Петровского» пива, припасенного, видимо, отцом на ближайшую субботу.

– Вот оно, спасение! – подумала Светка, и решительно щелкнула блямбочкой на крышке, словно передернула затвор автомата. О чудодейственном влиянии этого опохмела на ослаб-

ленный алкоголем организм она слышала все от тех же однокашников, готовившихся вместе с ней «сеять разумное, доброе, вечное». На себе эту вакцину она испытывала впервые. Светка мужественно встала в позу горниста, и противная горькая влага стала заволакивать ее горло и сознание. Все от тех же корифеев борьбы с алкоголем – своих приятелей-студентов она что-то слышала о понятии «плеснуть на старые дрожжи», но не очень вникала в суть этого термина, думая, что речь идет о каком-то кулинарном рецепте. Сама того не понимая, этот эффект она испытала на себе. Голова, действительно, почти сразу прошла, но она закрутилась, как глобус на открытом уроке географии. Светка села за кухонный стол, положила голову на руки и постаралась сосредоточиться, чтобы понять: хорошо ей сейчас или плохо.

– Скорее, мне плохо, – прикинула Светлана. – Не сдохнуть бы, а то не смогу на зло тому белобрысому Билли посмотреть, каким будет мир через сто лет. А хорошо бы посмотреть! – было ее последней мыслью, прежде чем она отключилась...

Светка почти сразу подняла голову, встряхнула ее, не понимая, где находится. Голова была ясной и светлой, но собственную кухню ей было почему-то не узнать. Мебель была совершенно незнакомая: изящная, легкая, сделанная не понятно из какого материала. Она поискала взглядом свою любимую болгарскую газовую плиту, в духовке которой мама выпекала потрясающую запеканку. Плиты не было. Не было даже микроволновки. Вместо них стояли какие-то плоские ерундовины, о назначении которых можно было только догадываться.

– Чайку бы горяченького, – размышляла Светлана и, к своему удивлению, увидела, что на плоской штуковине сам собой возник сосуд, похожий на маленький чайник, на котором через мгновение высветилась надпись: «Зеленый чай с ванилью готов».

– Ого! – Светлана аж подскочила. – Я ведь именно такого чаю хотела. Это что ж получается, эта ерундовина мои мысли читает и исполняет? Кстати, какой сейчас год? И где я?

На плоском экране в стене, который Светлана поначалу приняла за элемент декора, высветилась надпись, написанная привычной кириллицей: «Сегодня 25 октября 2122 года. Вы находитесь в Москве – восьмом по величине городе Российской империи».

– Восьмом?!! – Светлана от обиды даже вскрикнула.

Экран тут же отреагировал исчерпывающей информацией: «Историческая столица нашего государства Москва уступает по численности населения столице Российской империи городу Кемерово, а также таким крупным губернским центрам, как Лондон, Пекин, Берлин, Нью-Йорк, Дэли и Житомир».

– Житомир – это круто! – поперхнулась чаем Светлана. – Господи, как я хочу обратно в свое нормальное время.

...На мгновение ее мозг заволокло легким туманом. Она огляделась по сторонам и поняла, что сидит в своей собственной кухне, в самое, что ни на есть, привычной для себя обстановке.

– Привидится же такое! – внутренне содрогнулась Светлана. – Кошмар на кошмаре. Уж лучше за Переверзева замуж выйти, чем видеть такое!

Она встала из-за стола, чтобы пойти к себе в комнату, собираться в школу. В это время дверь резко открылась, сбив Светку с ног. На кухню влетел взъерошенный Переверзев.

– Света, Светочка! Прости! Не умирай! Я всю ночь не спал, о тебе думал. Не могу я без тебя. Выходи за меня! Давай сегодня же подадим заявление.

Но бедная Светлана молчала. Она лежала на полу в полной отключке. Трудно было понять: спала ли она или находилась в глубоком нокауте. Наконец, она открыла глаза и, потирая ушибленный лоб, глупо улыбаясь, смотрела на Переверзева.

– Володя, – непривычно мягким голосом сказала она, – я сейчас немного поспала и увидела сон. Представляешь, у нас будут четыре сына и одна дочь!

Переверзев как-то обмяк, сполз на пол, обнял Светку и долго молча смотрел на дверной проем, словно в окно в будущее.

Глава 5. Созрело сердце в огороде

Прошло несколько лет. В США начали с новыми силами бороться с агентами российской разведки, размещая ПРО в бывших соцстранах.

В России тоже много чего было. В общем, как говорится, жизнь продолжалась.

Вышедшая замуж за Вовчика Светка родила ему первенца – Вовочку.

– ВВ – это в тему, – объясняла друзьям Светка, – и почему-то кивала на телевизор, хотя у телевизора было совсем другое название.

Конечно, это было чистейшим совпадением, но вскоре после появления на свет Вовочки молодой семье и даже представителям старшего поколения стало удивительно везти. Тюфяк Вовчик выиграл первенство Москвы по плаванию вольным стилем, хотя в прежние годы стабильно едва входил в шестерку лучших. Светке каким-то умопомрачительным образом присвоили звание «Учитель года». Правда, в диплом вкралась опечатка: вместо «года» было написано «гада», но Светлана убеждала, что никакой ошибки нет:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.